Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Народная самооборона
Что такое свобода?
02 Октября 2017 г.

Скопировано 2017-12-16 с
https://naroborona.info/2017/10/02/chto-takoe-svoboda/

ru.theanarchistlibrary.org

Что такое свобода?

Народная самооборона

02 Октября 2017 г.

Нет слова сегодня более желанного и более эксплуатируемого, чем «свобода». «Свободой» сегодня прикрывают все, что угодно. «Свободу» в рекламе используют политиканы и капиталисты для того, чтобы продать потребителю тот или иной товар или программу. «Покупая наши наушники, ты покупаешь свободу!». «Голосуя за меня, ты голосуешь за свободу!».

«Свободу» используют охранители всех стран, закручивающие гайки ради охраны «свободы». Наконец, «свободу» используют всевозможные безответственные личности, твердо уяснившие, что свобода – это безответственность, при которой ты никому ничего не должен и волен делать, что пожелаешь, но тебе должны все остальные. Свобода – это нечто желанное, но неопределенное, к чему апеллируют все, от фашистов и капиталистов до анархистов и социалистов. В обществе нет понимания, что же такое свобода. Есть только понимание, что свобода – это хорошо. А потому «свобода» сегодня представляет из себя скорее демагогию, не содержащую вообще никакой смысловой нагрузки, но апеллирующую к эмоциям человека. Такой

пустой, ни к чему не обязывающей «свободой» обосновывают свои действия либо бездействия диктаторы, подавляющие своих противников; претенденты на власть, обещающие людям свободу в случае своего управления; маргиналы, не желающие считаться с окружающим обществом; бандиты, для которых «свобода» означает возможность применения насилия; капиталисты, выступающие за «свободу предпринимательства»; даже школьники, которых забанили «ВКонтакте», могут считать, что тем самым нарушена их свобода.

Мы видим совершенно извращенные, пусть и в противоположные стороны, понимания «свободы». Мы могли бы обозначить следующие искаженные понимания свободы в современном обществе:

1. Свобода маргинала, как безответственность.
2. Свобода потребителя, как удовлетворение всех своих желаний и прихотей.
3. Свобода эгоиста, как отсутствие внешних ограничений.
4. Свобода капиталиста, как свобода предпринимательства.
5. Свобода государственника, как защищенность от посягательств других людей.

Маргинальная «свобода», синонимом которой является безответственность – это самое незрелое, примитивное понимание свободы. Логика маргинальной свободы – «я свободная личность, я никому ничего не должен и имею право на всё, что пожелаю. Никто не вправе ограничивать мою свободу».

В бытовом плане – это ваш сосед, который не считает нужным поддерживать чистоту на общей кухне или в санузле – он просто не считает это нужным либо не понимает необходимость этого. Он «не парится» – ничего не требует от соседей, но и сам ничего не считает им обязанным. Его, конечно, будет раздражать, если будут горы немытой посуды или слой грязи на кухне. Но кто-то это все убирает и он считает это нормальным – кому нужно, тот и уберет. Это участник политического движения, который не считает нужным как либо вкладываться в него, что-либо делать для него, но считает, что должен обладать правом голоса в движении просто потому, что он разделяет те же взгляды. Его логика проста – движение не может говорить от лица -истов, не спросив его мнения. Ведь он тоже -ист. У него нет понимания движения, как организующей силы, где необходимо вкладывать множество сил и времени на развитие проектов. Движение – это клуб по интересам без обязательств.

В политическом плане такую свободу наиболее полно выражает примитивное понимание анархизма как неограниченной свободы. В особенности – квазикоммунистические версии такого квазианархизма, обещающие бесконечную халяву и право на довольство без ответственности.

Маргинальная свобода рассматривает человека и его право на безответственность в вакууме от общества и окружающего мира. Требуя для человека право на бесплатные блага, такая свобода не задается вопросом, откуда они возьмутся, за чей счет, и не требует потому и никаких обязательств, никакой ответственности. Требуя безответственности и права пользования общей кухней, утверждая право «свободной личности» не считаться с окружающими, такая свобода не спрашивает, кто убирает эту кухню. Это, как мы писали – незрелое, еще детское понимание свободы, уже ставящее вопрос о правах, но совершенно

не знающее об обязанностях – ей и в голову не приходит вопрос, кто убирает кухню, или за чей счет должен обеспечиваться бесплатный проезд и бесплатный труд работников транспорта, которых требует такая свобода. При этом мы говорим о мотивации таких требований. Бесплатный транспорт можно требовать рационально, исходя из каких-то экономических данных о том, что транспорт субсидируется правительством из налогов, что цены и тарифы завышены, и прибыль из них идет вовсе не на развитие транспорта и оплату труда работников, сколько в карман бюрократии. Либо из иной экономической необходимости. А можно требовать нерационально, исходя из своего «хочу пользоваться транспортом, но не хочу платить».

В конце концов, маргинальная свобода ставит вопрос о правах одного индивида, совершенно не рассматривая, что тем самым она нарушает свободу и права остальных индивидов и коллектива. Это – пока еще незрелая свобода, эксплуататорская, основанная на потреблении чужого труда и ограничении чужих прав за счет отдельного индивида, рассматриваемого маргинальной свободой отдельно от остальных индивидов.

Гедонистическая свобода потребителя тесно соприкасается с маргинальной свободой, но уже несколько более зрела. Она ставит вопрос не только о независимости личности и её правах, но и об удовлетворении её потребностей, прихотей и капризов. Такая свобода уже считается с окружающим миром, и понимает, что ты свободен настолько, насколько ты можешь себе это позволить, насколько у тебя хватает денег. Если мы ограничены в потреблении материальными факторами, то свободой будет преодоление этих ограничений, потребление большего разнообразия всевозможных продуктов, образов, идей. Если для маргинальной свободы важно не зависеть от общества, быть независи-

То есть под свободным обществом, социальной свободой, мы подразумеваем такое общество, в котором политика и экономика устроены на началах всеобщего участия и управления. В индивидуальном плане такая свобода относится скорее к психологическому аспекту, и выражается не через пассивное отстранение от общества, или требования прав и благ без обязательств. Но напротив – через проявление личной инициативы и участие, взятие на себя ответственности за интересующие проекты.

Свобода – это не когда ты говоришь «хочу, получить то и это» или «хочу, чтобы вы сделали это и это». Свобода – это когда ты говоришь «ребята, давайте сделаем это» или «ребята, давайте я приму участие в том, что вы делаете». Главное правило гражданской свободы участия: нет права без обязанностей. И нет обязанностей без прав.

мым, то для потребительской свободы важно иметь свободный доступ к благам общества, быть в обществе.

Лучшим выражением такой свободы будет «свободная любовь», где свобода означает возможность свободного потребления других людей в качестве сексуальных объектов (в то время, как для маргинальной свободы наиболее подходящей характеристикой в области отношений были бы «свободные отношения»). В культурном плане эту свободу могут выражать хипстеры, эдакие потребители образов и идей. В бытовом плане излишние гедонизм или хваленая свобода выбора в потреблении между Пепси и Кока-колой, между Макдональдсом и KFC – образец подобной свободы.

Если маргинальную свободу можно сравнить с подростковым возрастом, чуждым серьезным обязательствам, заботе о завтрашнем дне и необходимости самостоятельно обеспечивать себя, а потому даже не способном в полной мере осознать эти вопросы, то потребительская свобода – это уже свобода взрослого человека, узнавшего цену потреблению и понявшего, что любое право и любое довольство чем-то обеспечивается. Именно с этим, кстати, связано разочарование взрослеющих анархистов, которые в юности увлекались анархизмом, воспринимая его в ключе маргинальной свободы, но вступив в взрослую жизнь и столкнувшись с необходимостью обеспечивать себя, испытали переоценку своих понятий свободы, разочаровавшись в маргинальной безответственности и примитивном анархизме. Потребительской свободе более соответствует аполитичное счастье обывателя.

Эгоистичная свобода, отрицающая ограничения для свободной личности, представляет из себя законченное взрослое выражение маргинальной свободы. Эта свобода уже не хочет независимости от общества, но напротив, заявляет свое право на потребление окружающего мира в той мере, насколько на это хватит силы. Если мерилом потре-

бительской свободы являются деньги, то эгоистичную свободу ограничивает только сила. В отличии от маргинальной свободы, которая противоречиво совмещает пользование чужим трудом с уверенностью в независимости от общества, потребление результатами чужого труда умещается с мыслью о том, что личность ничего не должна обществу, а общество не должно личности, эгоистичная свобода более искренняя. Она уже понимает, что все потребляемые блага есть результат чего-то труда, и уверена в своем превосходстве над окружающими. Окружающие должны индивиду, индивид окружающим не должен ничего. Это мужественная, "героическая", бандитская свобода, которая и закладывала институты господства в обществе. Чувство собственного превосходства, своей исключительности, двойные стандарты, одни для себя, прочие – для остальных, готовность брать свое силой, подавляя конкурентов и тех, от кого что-то нужно – вот что проявляет эту свободу индивида, являющуюся худшей несвободой для всех прочих. Такая свобода, действительно, не зависит от чьей-то доброй воли, но берёт все силой. Понятно, что для осуществления свободы всех прочих (как бы она ни понималась) необходимо подавить эту свободу подавлять всех прочих.

Ради увеличения своей силы, а, следовательно, и свободы, индивиды могут объединяться между собой в коллективы, внутри которых отношения могут строиться как по принципу силы, так и по определенным понятиям, не распространяемым на не принадлежащих коллективу.

Образчиками такой свободы могут быть всевозможные «джентльмены удачи» из истории. Викинги и пираты, разбойничьи шайки и варварские армии. Сегодня такая свобода присуща тому, что зачастую ассоциируют с «мужским характером», и, в принципе, индивида, осуществляющего подобную свободу сильного, не так уж и сложно встретить

Таким образом, психологический аспект свободы тесно связан с аспектом социальным – от которого, в свою очередь, напрямую зависит внешний аспект свободы от принуждения. То есть социальный аспект свободы является первичным, от которого исходят отсутствие принуждения и развитие свободной личности.

Говоря это, мы подразумеваем, прежде всего, что индивид может достичь психологической зрелости и развиться в свободную и независимую личность, прежде всего, во взаимодействии с другими индивидами, коллективами, окружающим социумом и миром. Но только при таком взаимодействии, когда индивид является не просто сторонним наблюдателем за происходящими процессами, пассивным потребителем общественных благ или отчужденным исполнителем чужой воли, но активным участником коллектива, социума и общественных процессов. Такое понимание свободы как участия и ответственности прямо противоположно и враждебно примитивно понимаемой многими анархистами свободы, как безответственности.

Свобода как участие, свобода как ответственность предполагает ответственность каждого индивида за судьбу общества, за участие в демократическом процессе. Это та самая позитивная свобода преобразования общества и окружающего мира, доступная сегодня избранным – капиталистам и политикам – распространённая на весь социум. Эта свобода враждебна лицемерному парламентаризму, предполагающему перекладывание ответственности на некого «представителя», как и чужда капитализму, предполагающему индивидуальную позитивную свободу для немногих при несвободе для многих. Скорее такая свобода соответствует гражданскому духу древнегреческих полисов, при которой каждый гражданин нёс ответственность за дела полиса, или ранней идее советов, еще не извращенной большевиками.

структура общества вырабатывала в его членах авторитарные черты характера и такие ценности, как подчинение иерархии, угодливость начальству, пресекала любые намёки на собственное достоинство, независимость, личную инициативу. Если мы возьмём сильную авторитарную диктатуру с командной экономикой и социальными гарантиями, то у граждан такого государства будут вырабатываться патернализм, отношение к государству как к благодетелю, который должен заботиться о своих гражданах, но вместе с тем имеет право и власть распоряжаться их жизнями. Государство – хозяин, господин и благодетель, имеющий право карать и миловать.

Даже в авторитарных государствах возможно развитие личностей, с характером независимым, наделенным критичным свободным мышлением. Однако это будет нетипичным для таких обществ исключением, вызванным "отклонениями" в воспитании и личном опыте таких индивидов. Авторитарные, несвободные общества будут формировать граждан с соответствующим авторитарным сознанием, и авторитарную культуру и социальные нормы общества, с которыми придётся считаться и индивидам, обладающим более свободным типом личности.

Потому мы видим, что психологическое понятие свободы является социальным. В том плане, что, во-первых, человеческий характер формируется в социуме, и вне социума и накопленных им знаний не может достичь достаточно высокого уровня развития. А во-вторых, культура и социальные нормы, способствующие формированию свободного, независимого и критичного человека, могут выработаться только в свободном же обществе, обладающем демократической политической и экономической структурой, которая будет являться залогом полноценного развития свободной личности.

на российских улицах, что служит источником непрекращающихся конфликтов.

Капиталистическая свобода предпринимательства, свободной инициативы, представляет из себя качественно иное, более зрелое и созидательное понимание свободы, прямо ставя вопрос о цене потребляемых благ, соотношении свободы и ответственности, труда и потребления благ. Предпринимательская свобода уже понимает, что ничего не создается из воздуха, что все обеспечивается чьим-то трудом, в том числе организационным, чьей-то инициативой, чьей-то ответственностью. Нет свободы без ответственности. Это уже вовсе не инфантильное понимание свободы.

Но, вместе с тем, это довольно циничное понимание свободы, во многом сходящееся с свободой эгоиста, где также присутствует понимание необходимости активного воздействия на окружающий мир ради завоевания своего индивидуального права на свободу и потребление. Но если свобода эгоиста деструктивна и направлена на открытое подавление и ограбление окружающего мира, то свобода капиталиста более конструктивная, более созидательная. Капиталист также подчиняет себе окружающий мир, также перераспределяет общественные блага в свою пользу, также обеспечивает себя правами и свободами за счет остальных – но, помимо этого, капиталист уже занимается и позитивной, созидательной деятельностью, организовывая производство общественных благ и развивая в результате созидающей организующей деятельности те или иные качества в себе.

Это уже позитивная свобода. Но все еще свобода индивидуальная, свобода индивида, приобретаемая за счет не только организующего труда, но и изъятия в свою пользу благ и прав от окружающего общества. Чем больше людей будет работать, чтобы обеспечить свободу капиталиста,

чем более бесправными они будут, тем богаче и свободнее будет капиталист. Чем больше конкурентов он разорит и лишит этой свободы, обеспечиваемой деньгами в капиталистическом обществе, тем свободнее и могущественнее будет он сам. По мере роста могущества и богатства капиталиста, свобода трансформируется от ответственности за свою жизнь в наиболее великую и позитивную свободу изменять окружающий мир глобально. Обладатели крупных капиталов способны, действительно, преобразовать мир в соответствии со своими желаниями. Они могут вырубить целые леса либо засадить ими огромные пространства, приводить к власти политиков или удерживать у власти действующих правителей, финансировать научные исследования и грандиозные фантастические проекты, изменять политическую и экономическую ситуацию целых стран, создавать моду и потребности остальных индивидов… Возможности крупных капиталистов поистине безграничны. Они обладают полнейшей свободой в истории.

Однако это свобода индивидуальная. А значит обеспечивается за счет остальных. Миллиарды людей становятся заложниками их воли, тем самым теряя свою свободу. Тысячи людей вынуждены трудиться в бесправных условиях и нищете, чтобы единицы могли осуществлять подобную свободу. А в результате концентрации капиталов и все больших богатств в руках отдельных капиталистов, создания монополий, рушится даже свобода как ответственность мелких предпринимателей не способных конкурировать с крупными корпорациями, и становясь заложниками определяемой ими экономики.

Как видим, индивидуальная свобода в своих высших проявлениях есть полная несвобода для всех прочих. Осознание необходимости ограничения индивидуальной свободы свободой других людей, привело к развитию

сделать что-либо? Если человек выступает не актором, но пассивным зрителем?

Внешняя свобода, свобода от принуждения, не стоит ничего без свободы внутренней, психологической, без зрелости и самостоятельности индивида. Значит ли это, что свободы от принуждения достойны только сильные и независимые личности, в то время как для остальных принуждение будет являться благом? Вовсе нет. Такие суждения еще могли иметь место в 19 веке, когда знания о человеческом обществе и характере были еще туманны и неясны. Сегодня же социальная психология даёт нам возможность понять, что человек, его личность и характер не формируются сами по себе.

Человеческий характер формируется в соответствии с окружающей его средой. Поместив ребенка на необитаемый остров, в семью алкоголиков из окраин сибирского городка или профессорскую семью с достатком из европейской столицы, через десять лет вы получите совершенно различные результаты. Даже в одном социуме (более того – даже у двух братьев в одной семье) условия у людей могут значительно отличаться друг от друга. Потому мы можем видеть совершенно различные характеры и встречать совершенно непохожие друг на друга личности в рамках одного социума.

Однако у всех членов одного общества есть ряд общих внешних условий, формирующих тот самый социальный характер, находящий выражение в культуре общества, его социальных нормах и психологических черт составляющих его индивидов. Чаще всего эти общие условия относятся к сфере политики, экономики и культуры (являющей собой отражение нынешних и прошлых, отживших социальных условий).

Так, например, если мы возьмём общество с развитыми крепостническими институтами, мы увидим, что сама

жа, экономического или психологического воздействия. В конце концов, даже ложь, обман могут служить инструментом принуждения.

Под принуждением следует понимать физическое, психологическое, экономическое воздействие на человека либо коллектив, побуждающее их к совершению определенных действий или отказу от них против их воли, либо предоставляющее им заведомо безальтернативный выбор. Под принуждением не следует понимать какие-то объективные внешние факторы и необходимость участия ради получения прав и благ. Напротив, предоставление индивиду, не желающему участвовать в деятельности, права принятия решения или потребления производимых благ будет являться принуждением данным индивидом коллектива и индивидов, задействованных в деятельности.

То есть отсутствие внешнего принуждения – это наличие свободного выбора, ограниченного не волей отдельных индивидов, но объективными условиями окружающей среды, материального достатка и социума, в котором находится индивид (при условии возможности равноправного участия в социуме или же свободного выхода из него).

Вторым, гораздо более важным фактором, будет являться уровень развития личности, её зрелости и независимости, способность самостоятельно работать с информацией, принимать решения и брать индивидуальную ответственность за себя и свои поступки. Стоит ли что-нибудь свобода слова, если человек подвержен влиянию извне и говорит и мыслит то, что вдалбливают в него СМИ, либо что транслирует какой-либо авторитет либо окружение? Чего стоит свобода распространения информации, если человек не способен критично воспринимать её? Что, наконец, стоит любая свобода, если человек не способен самостоятельно взять на себя ответственность, проявить инициативу,

либерально-государственнических представлений о свободе.

Государственническая свобода либералов – уже совершенно иной тип понимания свободы. Это уже свобода коллективная. Либеральная мысль уже ставит вопрос о том, что свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека. Твоя свобода не должна нарушать свободу другого человека. Уже хотя бы потому, что либеральная мысль ставит такие вопросы, непонятные индивидуальной свободе, видно, что либеральная свобода на сегодня есть наиболее зрелая из всех распространенных на сегодняшний день в обществе представлений о свободе. И вместе с тем либеральная свобода – ещё совсем незрелая форма коллективной свободы.

Либерализм все еще рассматривает индивидов в вакууме, и их коллективная свобода пока что заключается лишь в взаимном ограничении индивидуальной свободы свободой других индивидов, а индивидуальная свобода рассматривается в ключе минимализации внешнего принуждения. Свобода уже рассматривается как ответственность, но пока лишь скорее как индивидуальная ответственность капиталиста, наступающая на свободу общества, да участие в выборе кандидата, на которого переложить ответственность коллективную.

Тем более незрелость либеральной свободы заключается в том, что ответственность за обеспечение коллективной свободы возлагается на государство. Государство же отчуждено от граждан, они никак его не контролируют. Единственный способ контроля предлагаемый либерализмом – выборы между несколькими кандидатами того, кто будет принимать решение за всё общество. И то даже сам процесс выборов общество контролировать не может. Ответственность за общую судьбу снимается с общества и каждого отдельного индивида и возлагается на государ-

ство. Государству же предоставляется эксклюзивное право на применение насилия, на решение спорных ситуаций, на принятие любых решений. Всё это оборачивается возможностью для немногих принимать решения за всех, применять насилие когда вздумается, и карать за применение ответного насилия, решать любые спорные ситуации в свою пользу. У государственной бюрократии, как класса, могут быть свои классовые интересы в укреплении собственной власти и её удержании; у отдельных индивидов, входящих в состав этой бюрократии, и наделенных эксклюзивными правами, могут быть свои личные интересы; у капиталистов, обладающих достаточным количеством денег для воздействия на бюрократию, тоже могут быть свои интересы, противоречащие интересам общества. Государство, в либеральной мысли призванное разграничить и охранять свободы отдельных индивидов, на деле является самым страшным инструментом подавления свободы.

Государство, по сути, представляет из себя институционализированный третий тип индивидуальной свободы, свободы эгоиста, завоёвываемой через насилие подавлением и подчинением окружающего общества. Невозможно силовой аппарат подавления и подчинения поставить на стражу интересов и свобод подавляемых и подчиняемых, ибо он всегда используется в интересах подавляющих и подчиняющих.

Все эти понимания свободы достаточно незрелы, примитивны и искажены. Понятно, что когда мы говорим о свободе, мы имеем в виду нечто совершенно иное. Наиболее полно понятие свободы можно описать, учитывая следующие факторы: свободу от внешнего принуждения; внутреннюю психологическую зрелость и независимость; социальную ответственность и участие.

Конечно, говоря о свободе, в первую очередь понимают отсутствие внешнего принуждения. Однако под этим вовсе не стоит иметь в виду маргинальную свободу безответственности или эгоистическую свободу неограниченности действий. Отсутствие внешнего принуждения означает не то, что вас не ограничивают в вашей деятельности свободой других людей. Отсутствие внешнего принуждения означает, прежде всего, отсутствие принуждения вас против вашей воли к совершению тех или иных действий, либо отсутствие запретов и наказаний на те действия, которые не затрагивают свободу других людей. Важно уточнить, что есть принуждение.

Если вы живёте в коллективе, который вынужден самостоятельно выращивать себе пропитание, но отказываетесь принимать участие в полевых работах, а затем претендуете на потребление произведенных продуктов и участие в обсуждении о их распределении – вовсе не будет принуждением отказать вам в этом, пока вы не включитесь в общую работу. Меж тем, как маргинальная свобода восприняла бы требование участия как принуждение. Однако в действительности принуждением будет требование к коллективу обслуживать вас и учитывать ваше мнение при решении вопросов, в которых вы не принимаете участия, и которые вас не касаются. Это будет значить, что вы пытаетесь навязать свою волю коллективу и заставить его исполнять ваши решения.

Однако если вас принуждают к участию силой, это уже принуждение – наиболее явное и открытое. Либо если один из участников коллектива объявил своей собственностью землю, на которой ранее выращивалась еда, и согласен допустить остальных к работе на ней только за обещание поделиться произведенной едой – это тоже принуждение, косвенное, экономическое, когда перед коллективом ставят выбор, умирать с голоду, или же обслуживать наиболее сильного индивида, захватившего землю. Принуждение может обретать разные формы – грубого насилия, шанта-